

В. В. Ведерников

ПРОБЛЕМА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛИБЕРАЛОВ (1894—1900-е гг.)

Анализируя статистику стачек в России, В. И. Ленин выделил период с 1895 до 1904 г., назвав его предреволюционным.¹ В эти годы, когда капитализм быстро рос «снизу» и интенсивно насаждался «сверху», когда на арене политической борьбы открыто выступила новая мощная сила — пролетарское движение, стала особенно ясна несовместимость архаичного самодержавия и общественного прогресса. Вскрывая корни либеральной оппозиционности, В. И. Ленин писал: «Самодержавие не может не задерживать общественного развития. Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии как класса, интересы интеллигенции, без которой немыслимо современное капиталистическое производство. . . Прямое представление интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной и которую положение ее обязывает, под угрозой политического и экономического поражения, стать европейской страной».²

Отношение либеральной оппозиции к самодержавию наиболее целесообразно проследить по произведениям нелегальной публицистики, поскольку из-за жестких цензурных условий в легальной печати либералы либо не касались проблем, связанных с государственным устройством, либо прибегали к изощреннейшему эзопову языку.

Непосредственным поводом для оживления публицистической деятельности либералов за границей, которая замерла с середины 80-х гг., послужила смерть Александра III. Накануне кончины самодержца в октябре 1894 г. Фонд вольной русской прессы³ издал в Лондоне Проект русской конституции, составленный, как доносил П. И. Рачковский, возглавлявший политический сыск за границей, «известным петербургским публицистом и литератором, который опирается будто бы на содействие себе крупных интеллигентных сил, решивших воспользоваться исключительно благо-

приятным случаем (имеются в виду известия о смертельной болезни Александра III. — В. В.), чтобы изменить государственный строй не посредством динамита, а путем широкой общественной агитации».⁴

Автором проекта конституции был одесский адвокат Л. А. Куперник, заметная фигура в общественно-политической жизни юга России, постоянный сотрудник ряда одесских и киевских газет либерального направления, деятельный член различных артистических, литературных и юридических обществ.

Куперник всегда тяготел к конституционному крылу либерального движения. Еще в 1879 г., будучи гласным городской думы Киева, он в речи по поводу покушения А. К. Соловьева на Александра II высказал убеждение, что охрана общественного порядка должна быть предоставлена самому обществу.⁵ В последующие годы Куперник установил связь с деятелями ФВРП и, по-видимому, был активным корреспондентом «Летучих листов». А. И. Зунделевич, разбиравший в начале 20-х гг. архив одного из членов ФВРП Л. М. Гольденберга, сообщал Л. Г. Дейчу, что он обнаружил значительное количество писем «таких интересных людей, как Кеннана, Кропоткина, Чайковского, Куперника, Черкезова и т. д.».⁶

Автор проекта предлагал преобразование государственного строя России на основе представительной системы. Проект построен на сочетании принципа широкой областной автономии и центральных представительных учреждений.⁷ Позднейшие наброски Куперника позволяют уточнить, что широкую автономию с местными сеймами предлагалось ввести как в национальных окраинах, так и в ряде великорусских областей.⁸

Россия, согласно проекту, представляла конституционную монархию с двухпалатным общеимперским парламентом и областными сеймами. Парламент и сеймы созывались на основе «всеобщего народного голосования», но права голоса были лишены женщины и лица моложе 25 лет. Кроме того, для выборов в сейм вводился ценз оседлости. Парламент обладал законодательными и бюджетными правами, правом законодательной инициативы. Однако вне парламентского контроля оставалось назначение лиц по ведомству императорского двора, армии и флоту.

По принятии законопроекта нижней палатой он поступал на рассмотрение Государственного совета, состоявшего из пожизненно назначенных царем «заслуженных сановников», и только после этого передавался императору на утверждение.

В случае разногласий между палатой и императором созывался Земской собор, который, как верно указывал Степняк-Кравчинский, «в сущности не собор, а плебисцит»,⁹ так как избранные депутаты имели от своих избирателей императивный мандат. Принятое Собором решение подлежало безусловному исполнению.

Министерство назначалось указом императора, который одновременно и председательствовал в Совете министров (ст. 20), но деятельность министров контролировалась путем парламент-

ских запросов, что, очевидно, должно было служить предпосылкой для создания в будущем ответственного министерства.

Высшей судебной, контрольной, а отчасти и законодательной властью обладал реформированный Сенат и судебные учреждения империи. Сенат выполнял роль второй палаты при разработке законопроектов, касавшихся судоустройства и судопроизводства, он же следил за соответствием законов конституционной хартии. Если Сенат находил, что закон противоречит конституции, то созывался Земской собор (ст. 60).

Проект Куперника предлагал довольно громоздкое государственное устройство и явно не был продуман в деталях (нет, например, указаний, как должны разрешаться разногласия между верхней и нижней палатами, как будут формироваться исполнительные органы в областях и т. д.). Но в целом он довольно точно отразил искания либеральной политической мысли, которая стремилась к достижению компромисса с монархией. По признанию самого Куперника, проект построен «не на ломке наших государственных учреждений, а на их укреплении и совершенствовании».¹⁰

Непомерно высокая роль, отведенная судебным учреждениям, связана не только с «профессиональной» точкой зрения одесского адвоката, она отразила положение судебных органов Российской империи, которые после реформы 1864 г. обладали относительной независимостью от административной власти и были, подобно земским учреждениям, «кусочком конституции».

Проект Куперника ФВРП старался распространить среди либеральных кругов России, рассылая его земским управам и частным лицам как раз в момент, когда земская оппозиция и либеральная общественность надеялись на изменение правительственной политики. Близкая к кругам либеральной интеллигенции писательница Р. М. Хин-Гольдовская писала в дневнике: «С новым царствованием все почему-то стали надеяться на „новый курс“... Повсюду рассказывались умильные анекдоты о доброте, мягкости и простоте молодого государя. Особую сенсацию производил рассказ о том, как молодой царь пешком, без охраны, без свиты вдвоем со своей невестой гулял по Невскому, зашел с ней в магазин и купил ей пару перчаток. Эта „пара перчаток“ a fait le tour de la Russie et du monde,¹¹ об этом живописали все иностранные корреспонденты, в этом „предчувствовали“ зарю новой исторической эры».¹²

О том, как далеко простирались надежды русских либералов, свидетельствует письмо Л. А. Куперника, адресованное самому Николаю II (черновик сохранился в бумагах одесского адвоката). Повторяя шаблонные аргументы либеральной публицистики о бюрократическом «средостении» и расширении компетенции императора, которое якобы сразу последует за конституционной реформой, одесский адвокат хотел побудить нового самодержца к введению представительства. При этом он рекомендовал весьма радикальные меры: «Земский собор с ответственным перед ним кабинетом министров». Любопытно, что в одном из вариантов

письма С. Ю. Витте назван государственным деятелем, способным осуществить конституционную реформу.¹³

Произнесенные в адрес земских deputаций слова царя о «бессмысленных мечтаниях» несколько охладили пыл конституционалистов. Однако в отличие от 80-х гг. «охранительная» линия русского самодержавия лишь усилила оппозиционное брожение. Уже через два дня после приема земцев в либерально-интеллигентских кругах получило широкое распространение «Открытое письмо Николаю II». Его автор, П. Б. Струве, угрожая царю, писал: «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать». Резкий тон письма находился в разительном контрасте с умеренными требованиями, сформулированными в полном соответствии с программой умеренной земской оппозиции: «Действительное и деятельное единение царя с народом и признание с высоты престола гласности и законности».¹⁴

Царская речь перед земскими депутациями вызвала ряд откликов вольной русской прессы. Появившиеся ранее других публицистические произведения Ф. И. Родичева и Д. И. Шаховского, отпечатанные эмигрантской украинской типографией А. Г. Ляхоцкого, были «результатом сговора группы земцев»¹⁵ и отражали настроение левого крыла земской оппозиции. Пожелание земских адресов о единении монарха с народом в истолковании обоих авторов не направлено против неограниченной власти. Оно было лишь завуалированной просьбой о позволении земствам хадатайствовать непосредственно на «Высочайшее имя».¹⁶ Пожелания, сформулированные в брошюре Д. И. Шаховского, простирались несколько далее. По его мнению, формой непосредственного общения царя и представителей земств могли быть ежегодные отчеты губернских органов самоуправления с изложением насущных потребностей населения губернии. Следующим шагом была бы реформа Государственного совета о включении в его состав представителей губернских земств.¹⁷ Ограничению всевластия бюрократии способствовало бы, как считал автор, усиление контролирующих функций Сената (в особенности его I департамента, наблюдавшего за законностью действий администрации).¹⁸

Автор был сторонником созыва Земского собора, но функции этого учреждения по его проекту не вполне ясны. По-видимому, собору отводилась роль организованного «общественного мнения», поддерживающего своим авторитетом прогрессивные мероприятия «власти». Это означало, что Собор не был постоянно действующим представительным органом, такая функция возлагалась Шаховским на реформированный Государственный совет.

Программа Шаховского с планами законосовещательного представительства близка к идеалам славянофильства. Это можно было бы объяснить влиянием славянофильской идеологии на мировоззрение автора, который позже признавался: «Конституционалистом я был давно. . . Но и у славянофилов находил родственные нотки».¹⁹ Аналогичную позицию занимал и другой представитель земско-либерального лагеря — «западник» Ф. И. Родичев.

Он выражал надежду, что «свобода личности, ее счастье и право могут еще быть осуществлены силой самодержавия».²⁰ Вопреки всему, либералы продолжали надеяться на реформаторские потенции самодержавия и ожидали поворота во внутренней политике после коронационных торжеств. Писательница В. И. Дмитриева, посетившая Петербург в феврале 1895 г., была поражена той атмосферой «радужных ожиданий», которая царила в либерально-интеллигентских кругах. По ее свидетельству «только и слышалось: „Вот погодите, вот будет коронация, вот тогда...“».²¹ Эти ожидания отразились в «Открытом письме Николаю II», автором которого была, согласно сведениям И. Масанова, А. Штевен.²²

А. А. Штевен (1865—1933) в начале 90-х гг. пыталась в сотрудничестве с духовным ведомством организовать широкую сеть школ в Нижегородской губернии. Но в мае 1895 г. она была отстранена от руководства школьным делом и ей вообще было воспрещено заниматься какой-либо педагогической деятельностью.²³ В «Открытом письме» Штевен, превознося реформы Александра II, предупреждала царя о губительности реакционного курса, но не выдвигала конституционных требований.²⁴

Коронационные торжества, как известно, не внесли каких-либо существенных коррективов в области внутренней политики. Кроме того, освобождение от судебного преследования виновников Ходынской трагедии распоряжением Николая II было серьезным ударом по теории совместимости самодержавия и законности. Как писал Д. И. Шаховской: «Высшие наши государственные установления, Основные законы Империи теряют свое значение не усилиями каких-нибудь анархистов, не вследствие народного восстания, а благодаря актам только что короновавшего себя главы государства».²⁵

С изрядной долей скептицизма оценивал возможность реформ «сверху» и автор брошюры «После коронации». Отвергая возможность мирной, культурной работы, он утверждал: «...Работая на какой бы то ни было почве, необходимо в то же время бороться с главным злом — существующим режимом». Но лозунги брошюры: «Свобода личности, гарантия ее прав и неприкосновенности»²⁶ только с большой натяжкой можно считать направленными против политической системы самодержавия.

Еще более умеренную позицию и намека на конституционализм, занял после коронации Д. И. Шаховской. Он дополнил лозунги Герцена кануна крестьянской реформы: «Освобождение слова от цензуры, освобождение податного сословия от побоев» требованием свободы совести.²⁷

Выдвигая лозунг «борьбы» с режимом, либералы неизбежно должны были определить свое отношение к систематической нелегальной деятельности, к революционным организациям. «Общественное мнение» традиционно рассматривалось либеральной публицистикой как главная сила, стимулирующая проведение реформ, а революционная борьба — как побочный эффект реакционной политики.

Иное отношение к нелегальной деятельности характерно для анонимных брошюр «Несколько слов о легальной оппозиции в современной России» и «Как бороться против абсолютизма», вышедших в 1896 г. в Женеве. Идею и стилистическое единство, использование одних и тех же литературных источников позволяет утверждать, что брошюры принадлежат перу одного автора. Называя себя сторонником «постепенного, но непрерывного прогресса»,²⁸ он одновременно осуждал оппозиционные круги за наивные надежды на то, что «царь их, либералов, во всяком деле выручит и... рано или поздно все устроит к лучшему, то есть вот-вот вдруг сверхъестественным образом просветится и начнет совершать великие либеральные и демократические реформы».²⁹

Эффективным методом борьбы с самодержавием автор считал только революционное насилие (террор в том числе). Однако он отрицал необходимость пропаганды в рабочей среде, ибо такая пропаганда могла оттолкнуть собственников в реакционный лагерь.³⁰ По его мнению, вплоть до победы над самодержавием необходимо единство всех революционных и оппозиционных сил под чисто конституционалистскими лозунгами. При этом непосредственная борьба с самодержавием перекладывалась на плечи революционных партий, либеральной же оппозиции следовало ограничиться пропагандой конституции в печати и на различных нелегальных съездах. Средством борьбы с абсолютизмом автор считал и бойкот личности Николая II под лозунгом: «Мы тебя (Николая II. — В. В.) знать больше не хотим».³¹

Такое сумбурное сочетание крайне умеренных и ультрареволюционных призывов, а также резкие выпады против легальной либерально-демократической публицистики (критике подвергся даже Н. К. Михайловский) позволили «Московским ведомостям» и «Неделе» не без злорады отметить низкий уровень нелегальных зарубежных изданий.³² С другой стороны, отмежевываясь от ультратеррористических призывов анонима, «Летучие листки» ФВРП прозрачно намекнули на его провокаторскую роль.³³

С течением времени конституционные элементы начинают доминировать в заграничных изданиях либералов. Свидетельство этому — работы Л. А. Куперника и Б. Н. Чичерина.

Брошюра «Нынешняя русская конституция» вышла анонимно, но стиль выдает авторство Куперника. Для доказательства сопоставим текст письма Куперника Николаю II³⁴ и отрывки из анонимной брошюры.³⁵

Письмо Л. А. Куперника Николаю II

Царь, как бы он ни был велик и благожелателен, не может исполнить этой функции (имеется в виду занятие всей полнотой государственных дел. — В. В.), потому что она не под силу одному человеку. Петр Великий был царем России тогда, когда в ней было

«Нынешняя русская конституция»

Эта фикция (имеется в виду приписываемая монарху способность вникать в сущность всех государственных проблем. — В. В.) заключается в том, что император все знает, все успевает, все понимает, ко всему способен. Возникновение ее относится к... царствованию

30 млн. жителей, из которых 20 млн. были крепостными, и тогда она, не считая Выборгской губернии, занимала меньше половины теперешнего пространства, и тот не в состоянии был охватить всего, наделал массу промахов, дорого стоявших стране, а он был гений, которые родятся не веками, а тысячелетиями. Но Петр жил при совершенно иных условиях, чем живут теперь цари, чем живете В[аше] В[еличество]. Он находился в постоянном общении с жизнью, с народом, он все знал, все видел своими глазами. С тех пор в положении русского царя произошли значительные перемены: царь живет вне своего народа, он отделен от него Китайской стеной, голос народа не доходит до него или доходит в передаче придворных или должностных лиц, имеющих свои взгляды, свои цели.

Не нужно бояться страшных слов вроде конституции, парламента. Полвека тому назад боялись слова освобождение крестьян, за произнесение его ссылали в Сибирь, а от самого освобождения ждали неисчислимых бед. А когда перестали бояться слова, то оказалось, что все превосходно.

Кроме того, анонимный автор так же, как и Куперник, был сторонником сочетания широкой областной автономии с центральным представительством. «Нынешняя русская конституция» критиковала невразумительный язык и тавтологию Основных законов. Куперник также сетовал в письме к С. Ю. Витте: «Никогда не издавалось такой массы нелепых, безграмотно изложенных и невежественно сочиненных законов, весьма часто противоречащих друг другу».³⁶

Такая текстуальная и идейная близость, по моему мнению, свидетельствует об авторстве Куперника. Изменения и уточнения, которые он внес в свою работу в сравнении с предыдущей свелись к требованию ответственного перед Земским собором министерства³⁷ и включению в программу пункта о цивильном листе императора.

Вместе с тем Куперник продолжал возлагать надежды на реформы «сверху».³⁸ Поэтому его конституционалистская про-

Петра Великого. Тогда ее можно было принять.

Петр был человек гениальный, обладал обширным умом, он был самый образованный человек в России, он непрерывно работал. Но громадное большинство его преемников были люди ничтожные, ограниченные, ничего кроме маневров не знавшие, ничему толком не учившиеся, ничего не сделавшие.

Вопрос об ограничении царской власти находится теперь в таком же самом положении, в каком 40 лет тому назад находился вопрос об освобождении крестьян. Тогда об эмансипации нельзя было и слова сказать. Нетерпеливые пропагандисты ее гибли десятками, жертвы крепостного права — тысячами, крепостному праву пелись восторженные дифирамбы; в уничтожении его видели величайшее зло, источник и причину гибели государства. Однако ничего не случилось. Изучение дела привело к убеждению в необходимости отмены крепостного права. То же самое происходит теперь с неограниченностью царской власти.

грамма тщательно закамуфлирована славянофильской терминологией об «истинном самодержавии», помехой для которого является безответственная бюрократия. Этот прием Куперник использовал и ранее, когда обращался с письмом к С. Ю. Витте. В одном из черновых вариантов Куперник, рядясь в тогу защитника самодержавия, развивал чисто конституционалистские идеи, риторически вопрошая своего корреспондента: «Представьте себе, что у нас создан постоянный Собор из депутатов от всей России и из большинства его составлено министерство. Неужели это в чем-нибудь ослабит власть и престиж царя?»³⁹

Конституция, как способ покончить с кризисным состоянием в стране, отстаивалась и в вышедшем за границу труде Б. Н. Чичерина. Как публицист он получил известность в годы, непосредственно предшествовавшие крестьянской реформе. Ряд его работ этого периода стали основополагающими для концепции так называемой «государственной школы». ⁴⁰ Чичерин признавал принципиальное единство путей развития западноевропейских государств и России, одновременно указывая, что Россия (как и каждая страна) имеет свои исторически сложившиеся особенности. По его мнению, обширная территория страны и малая плотность населения препятствовали единству общественных элементов, что и обусловило творческую роль государства, закрепостившего все сословия. ⁴¹ Однако Чичерин вовсе не был апологетом самодержавия. Он лишь полагал, что одновременное проведение крестьянской реформы и введение представительных учреждений может повлечь нежелательные потрясения. Можно согласиться с мнением исследователя В. Д. Зорькина, что «Чичерин защищает не абсолютизм как таковой, а самодержавие, сделавшее шаги на пути превращения в буржуазную монархию». ⁴²

Считая, что с окончанием реформы 1861 г. наступила пора привлечь общественные силы к государственной жизни, Чичерин особый упор делал на дворянство, поскольку видел в нем «единственное сословие в России, которое имеет какое-нибудь сознание своих прав». ⁴³ Упразднить сословные права дворянства, полагал Чичерин, можно лишь тогда, «когда личные свободные элементы общества получили довольно крепости, чтобы жизненной своею организацией служить разумною опорой для государства». ⁴⁴ По его мнению, ограничение сословных привилегий должно компенсироваться политическими правами. Поэтому когда в 1870 г., согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета, к платежу земского сбора было привлечено дворянство, являвшееся «неподатным сословием», Чичерин немедленно потребовал политических прав для дворянства. ⁴⁵

На связь всеобщего налогообложения и конституционной реформы Чичерин указывал в работе «Конституционный вопрос в России». Написанная в 1878 г., она впервые увидела свет только в годы первой русской революции. Продолжая отстаивать интересы «первенствующего сословия», Чичерин одновременно заявил о необходимости предоставления политических прав всем образо-

ванным людям.⁴⁶ Конкретизируя свою программу в известной записке «Задачи нового царствования», поданной К. П. Победоносцеву после 1 марта 1881 г., Чичерин высказался за привлечение к законосовещательной деятельности Государственного совета выборных от дворянства (по одному депутату от губернии) и от земства (два депутата от губернии).⁴⁷ Предполагая ввести в состав высшего законосовещательного органа более 100 выборных делегатов, Чичерин отстаивал более радикальный проект политической реформы по сравнению с известной «конституцией» М. Т. Лорис-Меликова.⁴⁸

Взгляды Чичерина имеют еще один чрезвычайно оригинальный аспект, отличающий его как от «ортодоксальных» либералов, так и от консерваторов. Он был сторонником сильной авторитарной власти, способной, подавив революционное движение, осуществить назревшие политические и социальные реформы. Считая, что самодержавие быстро теряет остатки былого авторитета, он полагал, что только общественная среда может дать столь необходимую в кризисной ситуации «сильную личность». Показательны в этом смысле следующие его слова из записки Победоносцеву: «... Одна парламентская жизнь в состоянии дать государственных деятелей, умеющих направлять свободное общество».⁴⁹

Взгляды Чичерина не лишены довольно серьезных внутренних противоречий. Идеальная государственная система, по его мнению, должна основываться на сочетании интересов сильной государственной власти (монархия), аристократии (поземельное дворянство) и «демократии», «среднего сословия» (буржуазия).⁵⁰ Будучи сторонником конституционной монархии, Чичерин считал законосовещательное представительство формой крайне неудачной,⁵¹ но на деле как раз выступал за законосовещательное представительство с преобладанием дворянства. В такой ущербной форме представительство он надеялся взаимно уравновесить самодержавие, в демагогических целях опирающееся на народ и олигархические поползновения крепостнического дворянства.

Режим Александра III, который в начале чисто полицейскими мерами расправился с революционным движением, а затем и с либеральной оппозицией, не оправдал надежд Чичерина, который с горечью писал в начале 90-х гг.: «Ныне Россия управляется отребьем русского народа, теми, которых рабство все превозмогло и в которых окончательно заглохло даже то, что в них было порядочного смолоду. При таких условиях ограничение самодержавной власти становится насущной потребностью».⁵²

В 90-е годы Чичерин издал «Курс государственной науки», в котором прямо указывалось, что в России «незаметно для взора слагаются зачатки новых потребностей и взглядов, которые должны вести к завершению воздвигнутого общественного здания, обновленного снизу, но оставшегося при прежних порядках наверху».⁵³

Взгляды Чичерина несомненно оказали влияние на формирование политической программы русского либерализма. М. Н. По-

кровский позднее вспоминал: «Его (Чичерина. — В. В.) полемика с социалистами читалась мало, зато его исторические теории пользовались величайшим кредитом и почетом в известных кругах еще в 90-х годах прошлого столетия: я помню с каким почти благоговением передавал мне около 1892 года П. И. Новгородцев. . . его книжку. . . Для буржуазных публицистов Чичерин был тем же, что для социал-демократов Плеханов».⁵⁴

Свои взгляды на конституционный вопрос в России ученый изложил в заграничной брошюре «Россия накануне XX столетия», выдержавшей в короткое время три издания, что, по-видимому, является косвенным показателем ее популярности в среде русских либералов. О впечатлении, которое она производила на читателей, можно судить по дневниковой записи Р. М. Хин-Гольдовской: «Умная, мужественная книга. Нас, привыкших к эфиопскому жаргону, книга поражает смелостью настоящих, всем понятных и всеми скрывааемых мыслей. Никакой риторики, написано очень просто, но факты уж очень яркие».⁵⁵

Подводя итоги господства реакции, Чичерин в сущности утверждал, что она поставила Россию на грань экономической катастрофы: «Долги за короткий срок, во времена полного мира, возросли более чем на миллиард рублей, на будущие поколения наложены страшные тягости, землевладельцы обременены непосильными налогами, а коренное население голодает».⁵⁶ Единственный выход Чичерин видел в переходе к ограниченной монархии, которая только и может гарантировать «законный порядок».⁵⁷ По проекту Чичерина, в России вводилось законодательное представительство, в котором заседали «по два или по три человека от каждого земства».⁵⁸ Государственный совет реорганизовывался во вторую палату. При этом министры оставались ответственными только перед императором.⁵⁹

Нельзя не заметить известной эволюции взглядов Чичерина на форму и состав представительного учреждения. На рубеже веков он высказался за законодательное представительство, обладающее правом контроля бюджета и отделенное от Государственного совета. Правом избрания депутатов обладали только земства, о какой-либо форме дворянского представительства Чичерин уже не упоминал. Более того, к реакционной партии, препятствующей реформам, он относил не только бюрократию, но и «разорившихся или разоряющихся дворян».⁶⁰ Но самого монарха, которого якобы постоянно обманывает бюрократия, Чичерин исключал из системы реакционной иерархии и на таком более чем шатком основании строил предположения о возможности «самоограничения» самодержавия.⁶¹ Однако политический опыт умудренного жизнью ученого все же брал верх над надуманной схемой внеклассового самодержавия, и Чичерин с горечью констатировал, что Николай II продолжает традиционную политику своего отца, хотя ему осуществить либеральные реформы было легче, так как над его царствованием еще не навис грозный призрак революции. Иллюзии о возможности самоограничения царской власти ради «всеобщего

блага» сам же Чичерин подвергал критике, утверждая: «Вообразить, что монархи по собственному почину, в силу великодушного побуждения ограничат свою власть, значит не знать человеческой природы». ⁶²

В теоретических построениях Чичерина «среднее сословие», буржуазия, всегда играло роль основы народного представительства. Но на русскую буржуазию ученых не возлагал больших надежд, так как она «вследствие покровительственной системы находится в руках правительства». ⁶³ Только революция или поражение царизма в войне могли, по мнению Чичерина, способствовать конституционной реформе.

Отношение Чичерина к революции далеко не однозначно. Сам он называл себя «приверженцем охранительных начал», ⁶⁴ но в теории признавал, что «есть крайние случаи, когда выступление из всяких нравственных границ со стороны власти если не оправдывает юридически, то нравственно извиняет восстание». ⁶⁵ Оценив в крайне резких выражениях деятельность революционеров-шестидесятников Чернышевского и Добролюбова ⁶⁶ и заявив, что социалистическая пропаганда семидесятников «вызвала реакцию», ⁶⁷ он в то же время сочувственно отозвался о студенческих волнениях 90-х гг., ⁶⁸ поскольку они оказались единственной реальной силой, противостоявшей реакции.

Пугая власть призраком революции, Чичерин предупреждал самодержавие, оспаривая традиционный аргумент консерваторов об исконной приверженности народа к неограниченной власти: «Если же она (т. е. самодержавная монархия. — В. В.) не сумеет приспособиться к новым условиям, если она не понимает своего высокого призвания и упорно стоит за безграничное всевластие, то любовь народа от нее отвернется, а мыслящая часть общества начнет смотреть на нее как на врага, и тогда рано или поздно падение ее неизбежно». ⁶⁹ Но сам Чичерин в возможность революционного переворота верил мало: «Почвы для революции у нас нет, ибо преобразования Александра II совершили у нас те перемены в гражданском и общественном строе, которые вызывались потребностями жизни». ⁷⁰

Ему казалась более вероятной перспектива военного поражения царизма в случае столкновения с Германией, которой союзные страны — Франция и Россия — могли противопоставить только «анархию и деспотию». Живописуя картину военной катастрофы, Чичерин вновь призывал самодержца «уступить место конституционному порядку». ⁷¹ Мало веря в возможность добровольных уступок, он тем не менее надеялся на перемены с воцарением более либерального монарха или на появление в среде бюрократии личности, подобной Бисмарку или Кавуру. В итоге сильная своей критической стороной книга содержит противоречивые выводы. Убедившись, что надежды на изменение политического курса с воцарением нового самодержца напрасны, Чичерин тем не менее продолжал идеализировать самодержавие, способное якобы эволюционировать в сторону конституционной монархии.

Анализируя нелегальную публицистику либерального направления, нельзя не заметить известной эволюции: если в середине 90-х гг. в лучшем случае говорилось о конституции как об отдаленном будущем и в качестве приемлемого компромисса выдвигалась идея о привлечении «общественных элементов» в государственные учреждения наряду с назначенными царем чиновниками, то к началу века, с нарастанием революционного кризиса положение меняется. С конституционной программой выступил даже Б. Н. Чичерин, «недемократический либерализм»⁷² которого не удовлетворял леволиберальные круги.

К середине 90-х гг. вновь становится заметным водораздел между либералами-«политиками», которые наряду с изданием брошюр за границей вступают в контакты с революционной эмиграцией, пытаются наладить издание собственного периодического органа за границей и либералами-«культурниками», которые, по словам В. И. Ленина, были сторонниками «легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия».⁷³ Однако левые либералы так и не решились перейти к систематической нелегальной деятельности. Примечательно, что они, как и «легальная оппозиция», долгое время продолжали надеяться на «добрую волю» самодержца и его министров.

Заигрывая с революционным движением, левые либералы, как и «легальная оппозиция», опасались проникновения революционной идеологии в народные массы.

Таким образом, неустойчивость, склонность к компромиссам с самодержавием, с одной стороны, и заигрывание с революционно-демократическим лагерем — с другой, — все эти черты либеральной буржуазии, проявившиеся в годы первой русской революции, в зачаточном виде можно проследить по нелегальной публицистике либералов рубежа XX столетия.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 216.

² Там же, т. 9, с. 130—131.

³ Фонд вольной русской прессы (ФВРП) — литературно-издательская группировка, созданная в 1891 г. русскими эмигрантами во главе со С. М. Степняком-Кравчинским. Занимались изданием произведений деятелей русской оппозиции вне зависимости от политических направлений. Периодически выпускала «Летучие листки».

⁴ ЦГАОР, ДЦ, ОО, 1898, 14, ч. 6.

⁵ Одесские новости, 1905, 4 октября.

⁶ Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1925, сб. 3, с. 225.

⁷ Проект русской конституции. Лондон, 1894. Перепечатано в кн.: Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч. Пг., 1919, т. 6, с. 70—99.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 137, л. 132.

⁹ Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч., т. 6, с. 61.

¹⁰ Там же, с. 71.

¹¹ Облетела всю Россию и мир (фр.).

¹² ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, д. 5, л. 6—6 об. Запись от 28 января 1895 г.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 1436, л. 10 об. С. Ю. Витте и Л. А. Куперник были знакомы, вероятно, еще по Киеву, где оба жили в 70-х гг. На Витте, как лично знакомого его, ссылается Куперник в письме к Николаю II. Упоминание о Купернике содержится и в мемуарах Витте. Примечательно, что в начале 90-х гг. Куперник

обращался к Витте с проектом конституционной реформы (ЦГАЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 1436, л. 72—74 об).

¹⁴ Летучие листки, 1895, № 16.

¹⁵ Шаховской Д. И. В годы перелома. — Вестник сельского хозяйства, 1920, № 4, стб. 25.

¹⁶ (Родичев Ф. И.) Первая царская речь. Женева, 1895, с. 5; Мирный С. (Шаховской Д. И.). Адресы земств и их политическая программа. Женева, 1895, с. 20—21.

¹⁷ Шаховской Д. И. Адресы земств... , с. 26—31.

¹⁸ Там же, с. 38.

¹⁹ Русские ведомости 1863—1913. М., 1913, с. 196—197.

²⁰ Родичев Ф. И. Первая царская речь, с. 27.

²¹ Дмитриева В. И. Так было (Путь моей жизни). М.; Л., 1930, с. 325.

²² Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1958, т. 3, с. 40.

²³ Подробнее см.: Штевен А. А. Письмо в редакцию. — Русские Ведомости, 1895, № 205.

²⁴ Русский (Штевен А. А.). Открытое письмо Николаю II. Женева, 1896, с. 11—12.

²⁵ (Шаховской Д. И.). Ходынка. Женева, 1896, с. 3. В «Сводном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (М., 1982, ч. 2, с. 184) автором данной работы, а также брошюры «После коронации» со ссылкой на книгу В. Л. Бурцева назван Д. И. Шаховской. Действительно, автором брошюр «Адресы земств...», «После коронации», «Ходынка», «Первая царская речь» В. Л. Бурцев считал С. Смирного (т. е. С. Мирного — псевдоним Д. И. Шаховского). См.: За сто лет (1800—1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России / Сост. В. Л. Бурцев. Лондон, 1897, ч. 2, с. 148. Сделаем только одно уточнение. Во первых, псевдонимом С. Мирный подписана лишь брошюра «Адресы земств...», во вторых, Д. И. Шаховской, раскрыв в воспоминаниях этот псевдоним, говорил, что «издание ряда брошюр за границей» было результатом сговора группы земцев» (Шаховской Д. И. В годы перелома, стб. 25). Следовательно, и автором заграничных публикаций мог быть не один Шаховской. В-третьих, В. Л. Бурцев, не принимавший непосредственного участия в делах Украинской типографии, как установила Н. М. Пирумова, допустил и другую неточность, приписав брошюру Ф. И. Родичева «Первая царская речь» перу «С. Смирного» (см.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977, с. 163—164). В архиве Д. И. Шаховского хранится список его литературно-публицистических работ, в том числе и изданных за границей и среди них — «Адресы земств...», «Ходынка» и «Царские милости» (ИРЛИ, ф. 334, оп. 1, д. 650, л. 16). Следовательно, брошюру «После коронации» следует отнести к изданиям, авторство которых не установлено, а брошюру «Царские милости» — считать принадлежащей перу Д. И. Шаховского.

²⁶ После коронации. Женева, 1896, с. 15.

²⁷ (Шаховской Д. И.). Царские милости. Женева, 1896, с. 3.

²⁸ Как бороться... , с. V.

²⁹ Там же, с. 57.

³⁰ Там же, с. 37.

³¹ Несколько слов... , с. 21.

³² Московские ведомости, 1896, 16 ноября; Неделя, 1896, 24 ноября.

³³ Летучие листки, 1896, 23 декабря, с. 10—12.

³⁴ ЦГАЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 1436, л. 3—4, 12—13.

³⁵ Нынешняя русская конституция. Лондон, 1897, с. 12, 37.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 1436, л. 72.

³⁷ Нынешняя русская конституция, с. 39. Земскому собору в данной брошюре отведена роль законодательного собрания.

³⁸ Там же, с. 12.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 1436, л. 74.

⁴⁰ Дамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977, с. 137—161.

⁴¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899, с. 524—525.

⁴² Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX—начала XX века (Б. Н. Чичерин). М., 1975, с. 148.

- ⁴³ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862, с. 139.
- ⁴⁴ Там же, с. 89—90.
- ⁴⁵ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до конца 80-х гг. XIX в. Л., 1978, с. 214—216.
- ⁴⁶ Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России. М., 1906, с. 21.
- ⁴⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М., 1923, т. 1, с. 117, 119.
- ⁴⁸ Подробнее см.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 320.
- ⁴⁹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. . . , т. 1, с. 117.
- ⁵⁰ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894, ч. 1, с. 161—182.
- ⁵¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве, с. 134—135.
- ⁵² Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и московская дума. М., 1934, кн. IV, с. 260.
- ⁵³ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898, т. 3, с. 321.
- ⁵⁴ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М., 1933, т. 2, с. 175—176.
- ⁵⁵ ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, д. 9, л. 777. Запись от 30 мая 1901 г.
- ⁵⁶ Чичерин Б. Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1900, с. 62.
- ⁵⁷ Там же, с. 164.
- ⁵⁸ Там же, с. 171.
- ⁵⁹ Там же, с. 84.
- ⁶⁰ Там же, с. 170.
- ⁶¹ Там же, с. 94—95.
- ⁶² Там же, с. 174.
- ⁶³ Там же, с. 86.
- ⁶⁴ Чичерин Б. Н. Воспоминания, кн. IV, с. 172.
- ⁶⁵ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894, ч. 1, с. 64.
- ⁶⁶ Чичерин Б. Н. Россия накануне XX столетия, с. 21.
- ⁶⁷ Там же, с. 85.
- ⁶⁸ Там же, с. 123—124.
- ⁶⁹ Там же, с. 169.
- ⁷⁰ Там же, с. 175.
- ⁷¹ Там же, с. 177—178.
- ⁷² Освобождение, 1904, № 18(42), с. 323.
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.